

А. В. АНТОЩЕНКО

«КОГДА ЛЮБИШЬ, ТОГДА ПОНИМАЕШЬ ВСЕ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПУБЛИКАЦИИ*

В предисловии рассматривается формирование представлений Г. П. Федотова о характере и принципах изучения исторического процесса в результате саморефлексии и анализа им его взаимоотношений с Т. Ю. Дмитриевой, в которую историк долгое время был безответно влюблен. Публикуемое эссе Г. П. Федотова выражает экзистенциальный подход к прошлому, позволяющий объединить процедуры логического познания с этическими и эстетическими оценками.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, эпистемология исторического знания, экзистенциальный подход к прошлому, объективизм, субъективизм.

Я не могу критиковать и даже мыслить, когда читаю. Это приходит позднее. Необходимо сделать усилие воли, чтобы отрешиться от обаяния чужого духа, от власти слов. Но чтобы критиковать, надо понять, чтобы понять, надо любить. И потому я убежден, что только тот, кто хоть раз всей душой отдался художнику, впоследствии может оценить его, подобно тому, как учение философа может быть превзойдено только его учеником.

(Из письма Г. П. Федотова
к Т. Ю. Дмитриевой)

Тема «Любовь и женщина(ы) в судьбе и творчестве поэта или писателя Х (или художника У, или композитора Z)» едва ли вызовет у кого-нибудь удивление, а тем более возражение. Другое дело, если поэта или писателя, художника или композитора заменить историком. Тогда тема становится проблематичной. Это отнюдь не значит, что в судьбах, скажем, русских историков не было ярких страниц, окрашенных возвышающим чувством любви и трепетным отношением к женщине. Достаточно вспомнить «романтическую» историю Н. И. Костомарова, чуть ли не из-под венца уведенного под арест. Много позже, после года заточения в Петропавловской крепости и многолетней ссылки, вернувшись к исследовательской деятельности, принесшей ему известность яркого, талантливого историка, он вновь встретил свою возлюбленную, овдо-

* К 125-летию со дня рождения Георгия Петровича Федотова (1886–1951).

вешую к этому времени, и они повенчались¹. Или «трагическую»² страницу в биографии В. О. Ключевского: влюбленный в Анну Бородину он вынужден был жениться на ее старшей сестре Анисье («Никсочке»), поскольку его возлюбленная сочла своим долгом посвятить себя воспитанию детей ее спившегося двоюродного брата³. Вполне значительные для судеб историков, они, однако, не «вписываются» в нарративы, раскрывающие их интеллектуальную биографию. Думается, что навряд ли кто-нибудь согласится считать смыслообразующим фактом в творчестве стареющего и теряющего зрение Н. И. Костомарова переписывание набело или запись под диктовку работ историка его преданной супругой. В монографии «Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества», написанной М. В. Нечкиной, любовный эпизод относится к «жизни»⁴, тогда как важные этапы «творчества» объясняются «революционными ситуациями» в России.

Такое различие, как представляется, является результатом признания истории областью научного знания, а не искусства, их жесткого разграничения. Однако такого взгляда придерживались и придерживаются не все историки. Не было свойственно такое противопоставление и для Георгия Петровича Федотова (1886–1951), считавшего историю сферой научного познания, но не отрицавшего при этом необходимости применения этических и эстетических принципов для глубокого и адекватного понимания прошедшего. В его интерпретации творческий подход к осмыслению истории с необходимостью включал эмоциональное отношение к канувшему в века прошлому, требующему сочувственного воскрешения его как реальности во всей ее противоречивости. Присущее ему отношение к историческому познанию как эмоционально насыщенному *co*-творению позволяет поставить вопрос о значении для его «исследовательской практики» такого чувства как любовь. О перспективности такой постановки вопроса и поиска ответа на него свидетельствуют письма Георгия Петровича к Татьяне Юлиановне Дмитриев-

¹ См.: *Киреева*. 1996. С. 268–314.

² Здесь, как в случае определения «истории» Н. И. Костомарова, речь идет о понимании «романа» и «трагедии» Х. Уайтом, рассматривающим их как «mode of employment». См.: *White*. 1985. P. 8–9.

³ См.: *Нечкина*. 1974. С. 138–143.

⁴ Сама М. В. Нечкина отметила в этой связи: «Конечно, женитьба ученого считается, как правило, темой, не относящейся к изучению его творчества. Если бы мы пропустили эту тему, едва ли читатель упрекнул бы за это автора, скорее просто не заметил бы пропуска». Понятно, что женитьба не может рассматриваться в отрыве от любви, что, в общем-то, и было сделано автором в книге, но, в конечном счете, эпизод не «вписался» в ее повествование.

вой (1884–1976), изданные недавно в 12 томе его «Собрания сочинений»⁵ и публикуемое ниже эссе, написанное им в студенческие годы. В последнем выразилось общее видение истории и принципов ее изучения, ставшее основополагающим для дальнейшего развития его метода познания. Понять процесс оформления основных положений этого эссе можно, как представляется, лишь обратившись к «истории любви Тани и Жоржа», как называл себя Г. П. Федотов в посланиях к возлюбленной.

* * *

Знакомство Георгия Федотова и Татьяны Дмитриевой произошло в начале 1905 г., вскоре после того, как семья Федотовых переехала по окончании им Воронежской гимназии в Саратов. Инициаторами знакомства были мать Г. П. Федотова – Елизавета Андреевна (в девичестве Иванова) и ее сестра – тетя Оля. Мать считала, что замкнутому, склонному к уединению юноше необходимо расширить круг общения за пределы семьи. По характеристике хорошо знавшей умонастроения своего племянника и семью Дмитриевых тети Оли, мать Татьяны – Наталья Ивановна (девичья фамилия – Фаресова) – «из красных; у них он встретит себе товарищей»⁶. Тетя не ошиблась в своих предположениях. Уже после первого посещения дома Дмитриевых ее племянник уходил от них, унося с собой один их номеров газеты «Вперед». Но вместе с тем юный Жорж уносил и зарождающееся чувство влюбленности в Татьяну. В таком амбивалентном ее влиянии на юношу развивались их дальнейшие отношения. С одной стороны, именно Татьяна Дмитриева вовлекла его в пропагандистскую деятельность среди рабочих, содействовала его знакомству с саратовскими социал-демократами. С другой, любовь к ней открыла Жоржу красоту мира, что позволило преодолеть сформированную эстетическим нигилизмом радикальных демократов «душевную ненависть», подпитывавшую его первоначальные революционные устремления. Он с благодарностью воспринял ее влияние, не замечая до поры до времени, что оно не только обогащает его духовно, но и разрушает целостность его мировосприятия, вызывает трещины в его душе. Впрочем, последнее не пугало его, тогда он еще не ведал страха, а воспринимал жизнь как праздник, где есть место и революции, и любви.

⁵ См.: Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой. С. 7–256.

⁶ Приложение к письмам Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 17. Л. 1. «Приложение» представляет собой «длинное» письмо, которое было написано Жоржем от третьего лица во время рождественских каникул 1906 г. и отослано из Берлина. Далее оно будет цитироваться как Приложение с указанием только на листы дела, которые недавно были вновь перенумерованы.

Активное участие в пропагандистской и организаторской деятельности саратовских социал-демократов сделало Г. П. Федотова заметной фигурой среди них, обеспечив ему успех при выборах членов городского комитета социал-демократической партии, состоявшихся 11 июня 1906 г.⁷ Однако его повторный арест полицией 17 августа 1906 г.⁸ означал завершение духовного кризиса, ставшего подлинной причиной его отказа от продолжения активной революционной деятельности, но не повлекшего за собой отречения от социалистических идей.

Ответ на вопрос о причине решения оставить революционную борьбу, подать прошение о переводе на историко-филологический факультет Петербургского университета⁹ и согласиться с намерением его матери добиться замены административной ссылки в Архангельскую губернию высылкой в Германию можно найти у самого Г. П. Федотова. В одном из писем Татьяне из Саратовской тюрьмы он писал: «Случилось то, что во мне закончился медленно назревавший перелом, один из тех, из [к]оторых состоит и вся жизнь»¹⁰. Характеристика предпосылок этого перелома свидетельствует о том, что Жорж осознал исчерпанность возможностей своего духовного развития в революционной борьбе, ограниченность тех ценностей, которыми он руководствовался в своей пропагандистской деятельности¹¹. По сути, это был кризис идентичности, который позже Г. П. Федотов метафорически уподобил смер-

⁷ См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 203 (Т. 1). Л. 309 об.–310, 318 об.–319; Оп. 1 (1907). Д. 94. Л. 42; Ф. 57. Оп. 1 (1906). Д. 29. Л. 194 об.–195. Факты, дающие емкую характеристику революционной деятельности Г. П. Федотова, были выявлены саратовскими историками и краеведами. – См.: *Гусакова*. 1991; *Катков, Лукин*. 1992.

⁸ Первый арест 24 августа 1905 г. был воспринят Г. П. Федотовым скорее как романтическое приключение, а не как угроза. Тем более что из-за отсутствия улик он был отпущен на следующий день. «В одну прекрасную ночь, – описывал позже он сам это событие в письме к Татьяне, – при аресте районного комитета, он стремительно попал в тюрьму, чтобы на другой день так же стремительно оказаться на свободе» (Приложение. Л. 14). Здесь и далее даты приводятся по юлианскому календарю.

⁹ По окончании Воронежской гимназии с золотой медалью в 1904 г. Федотов поступил в Технологический институт в Петербурге, чтобы по окончании его быть ближе к рабочим и иметь возможность вести среди них пропагандистскую работу. Прошение о зачислении на историко-филологический факультет Петербургского университета датировано 17 июля 1906 г., т. е. было написано через 5 дней после определения приговора о двухлетней ссылке в Архангельскую губернию. Ср.: ГАСО. Ф. 53. Оп. 1 (1905). Д. 203. Т. 1. Л. 352 об., 356 об.; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244. Л. 2.

¹⁰ Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой. С. 30.

¹¹ См. подробно: Там же. С. 30–31.

ти¹². Его нужно было преодолеть, открыв пути для духовного возрождения. Но чтобы понять выбор средства для преодоления кризиса и восприятие его последствий, нужно обратиться к его истокам, что возвращает нас к зарождению любви Жоржа к Татьяне.

Импульс к возникновению чувства влюбленности, переросшей в любовь, дала революция, а точнее – вызываемое нарастающей революционной борьбой чувство ненависти к ее врагам, как парадоксально определил сам Г. П. Федотов, подчеркивая озлобленность и жестокость, присущие ему до встречи с Татьяной. В основе жестокости и фанатизма (еще одно самоопределение) лежал эстетический нигилизм революционных демократов, с произведениями которых он познакомился еще в гимназические годы¹³. Под их влиянием у него оформилось нигилистическое отношение к жизни¹⁴, которая оборачивалась к нему своею безобразной стороной, а потому заслуживала активного отвержения. Ставшие прологом революции события 9 января 1905 г. «обрызгали его душу» кровью, преобразовав ненависть в озлобление. Но... «Слишком измучено было его сердце – им же самим, – признавался позже Жорж Татьяне. – Чем больше жестокости оседало внутри его, тем сильнее была потребность в любви. – Реакция. – Нужно было так мало, чтобы смягчить его: ведь он не был озлобленным мужчиной, а просто больным, изнервничавшимся мальчиком»¹⁵. Влюбленность, переросшая в любовь, определила средство, смягчавшее его душу. «<...> [Л]юбовь дала ему счастье. Прежде всего чувство прекрасного. То ощущение, что на миг приходит, когда в душу смотрит красота: когда замолкнет последний звук песни – или поэмы. Только он жил в этом чувстве постоянно, окутанным, как светящимся облаком. Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой красоты. Он наслаждался ею всегда. Она облагораживала его»¹⁶.

Татьяна открыла Жоржу свой духовный мир, сформировавшийся из ее восприятия незнакомых ему литературных героев (прежде всего из

¹² Интерпретируя тексты Федотова, созданные в эмиграции, Ф. И. Гиренок точно подметил: «Под смертью Федотов разумеет не физический акт старения и угасания, а символический». – См.: *Гиренок*. 1991. С. 11.

¹³ См.: *Федотова*. 1967. С. II. Сам Г. П. Федотов отмечал это обстоятельство, указывая, что «шестидесятники» лишили его «красоты, эстетического развития», что он даже «проклял “эстетику” под их влиянием». См.: Приложение. Л. 29 об.

¹⁴ Думается, в этом же направлении действовали и другие литературные увлечения, отмеченные гимназическим другом Г. П. Федотова Н. Н. Блуммером. – Ср.: *Федотова*. 1967. С. IV.

¹⁵ Приложение. Л. 3 об.

¹⁶ Приложение. Л. 4 об.–5.

произведений норвежских писателей и русских символистов¹⁷), мистицизма и фантазий. Красота этого мира не укладывалась в привычные представления Жоржа, он хотел бы оспорить некоторые ее проявления¹⁸, но не мог этого сделать. Ему оставалось принять ее мир таким, каков он есть, включить его ценности и связанные с ними Татьянины истины в систему своего мировосприятия. «И так как ты стала дорогой мне, то я научился уважать и даже любить твои убеждения, – писал Жорж своей возлюбленной из Саратовской тюрьмы 7 сентября 1906 г. – Я научился быть терпимым к мыслям, к[оторы]х прежде не простил бы никому, потому что они были моими врагами. <...> Но отчего же я не пытался разрушить то, что я считал предрассудками? Во-первых, ты защищала их, как мать свое дитя, и ни за что бы не сдалась. И потом они были все-таки прекрасны твои “заблуждения”, и я не мог бы предложить тебе истин красивее их»¹⁹. Не трудно заметить, что истинность в федотовском дискурсе оценивается в понятиях эстетики.

Однако любовь к Татьяне не была взаимной, что чувствовал и остро переживал Жорж, хотя страдания не озлобили его. «Да, Жорж никогда не знал любви, к[отор]ая шутит и смеется, не понимал ее, – исповедовался он Татьяне. – Ею – была всегда отравлена слезами. И она делала душу такой чистой, а страдание таким высоким...»²⁰. Утрату надежды на взаимность он назвал своим «пессимизмом». Но даже в таком «пессимистическом» варианте любовь вступала в противоречие с революцией, поскольку революционная борьба, в понятиях Жоржа, требовала: «Любовь должна быть раздавлена, принесена в жертву. Нужно проклясть грезы счастья и личную боль заглушить людскою великою мукою»²¹.

¹⁷ Первой «героиней», с которой познакомил Жоржа Таня, была Виктория из одноименного произведения К. Гамсуна, что произвело эффект поражающей неожиданности: «Она пришла из другого мира». И далее: «Таня была прекраснее Виктории» (Приложение. Л. 5 об.–6). В письме из Вольска он упоминал о чтении К. Бальмонта и М. Метерлинка, у которого «столько прекрасных и тонких образов – точно из датской сказки» (Письма... С. 17). Оказавшись в тюрьме, Жорж, получив от Тани пьесы Л. Н. Андреева и Г. Зудермана, попросил ее принести ему книги К. Д. Бальмонта и Г. Ибсена (Там же. С. 28, 29, 34). Ибсеновский «Бранд» стал основой для размышления Жоржа о собственном душевном складе в одном из писем из тюрьмы (Там же. С. 36–38).

¹⁸ Таково было его отношение к мистицизму Татьяны, который восхищал его, но который он не мог разделить. «Причудую Тани, Жорж заглянул в смутные страны, к[отор]ые ему никогда не снились. Жорж ведь не был мистиком: он был социал-демократом!». – См.: Приложение. Л. 57 об.

¹⁹ Письма... С. 36.

²⁰ Приложение. Л. 17 об.

²¹ Приложение. Л. 22 об.

Столкновение социальной истины революции с личной истиной любви описывалось им также в понятиях эстетики как борьба страстей. «Революция заполняла все то в его сердце, что не принадлежало Тане. И она была прекрасна, она также. Если бы она была некрасива, разве Жорж стал бы революционером. Но ее красота была особенная, пламенная, иссушающая. Таня казалась ему, как синее небо, полное покоя и кротости. А революция... Ему казалось, что это – женщина-вампир; ее черные волосы, воспаленный взгляд черных очей, немного безумных, и губы, красные и влажные. Она приходила по ночам сосать у него кровь из сердца. Он изнемогал в ее объятиях, но страстно искал их, ждал ее. Это не просто сравнение, это почти правда. У Тани была мощная соперница, с которой она впоследствии, может быть, сама того не зная, вступила в борьбу за обладание его душой. Мне стыдно признаться, – она победила в этой борьбе»²². Победа означала не отказ от социалистических идеалов, а осознание узости обосновывающей их революционной идеологии²³ и понимание недостаточности знаний, а выходом из тупика была признана учеба²⁴. Главный предмет обучения был выбран не без влияния рассказов Татьяны об историко-филологическом факультете Высших женских курсов в Петербурге²⁵.

Сделанный выбор, призванный расширить горизонты мировосприятия, означал, в конечном счете, понимание относительности ценностей революционной борьбы и отрицание безусловности связанных с ней моральных норм, выполнявших роль нравственного императива. Однако легче было признать «бессмысленным» (или «иррациональным») понятие «долга» или назвать «совесть» «уродцем» и «атавизмом», чем полностью отвергнуть их «реальность», а тем более избавиться от гнетущего чувства вынужденности оставить все, что было дорого для него («любовь и революцию»), и отправиться за границу, где его ждали «новая жизнь и наука», которая тогда еще не манила его «своим обаянием»²⁶. Принудительный характер сделанного шага возродил на время даже давно забытый «роковой вопрос», обращенный прежде всего к себе: «как далеко могущество внешнего над человеком, в частности надо мной?»²⁷. Казалось бы оптимистичный ответ на него, возникший под влиянием занятий в Берлинском университете, посте-

²² Приложение. Л. 2.

²³ См.: Письма... С. 85–88.

²⁴ См.: Там же. С. 30–31.

²⁵ См.: Федотова Е. Н. 1967. С. VI.

²⁶ См.: Письма... С. 31, 41.

²⁷ Там же. С. 56.

ленно утратил свою убедительность из-за нарастающего ощущения угасания любви под влиянием разлуки и превращения занятий историей в рутину после вынужденного переезда в Йену. Определяя свой душевный настрой, ставший результатом двухлетнего пребывания за границей, Жорж характеризовал его в письме к Татьяне чертами, которые позже он определил понятием «атония». «Я недавно только вполне оценил, как я изменился за это заграничное время. Когда-то я мог думать, что это перемена к лучшему. Я стал терпелив, не так зол и самоуверен. Теперь я понимаю, что это означает только недостаток энергии. Слабые – добры и терпимы. Эта способность рассматривать вещи с разных сторон, быть объективным и “историческим” происходит от ослабления личности. Человек должен резко говорить свое да и нет, пока он живет. Объективным имеет право быть только понимание мира, а не его оценка. Пройдет ли моя нравственная вялость, не знаю»²⁸.

Душевное состояние Г. П. Федотова не изменилось существенно после возвращения на родину и восстановления на историко-филологическом факультете столичного университета осенью 1908 г., несмотря на разнообразие событий «внешней» жизни²⁹. Занятия историей, хотя и увлекали его, но не являлись определяющими всю жизнь Жоржа, наполняющими ее всеобъемлющим, обеспечивающим ее единство, смыслом. Они были скорее средством вынужденного примирения с ее несовершенством, принятия ее, о чем он подробно писал Татьяне, стремясь помочь и ей найти подобный способ обретения жизненного «оптимизма»³⁰. Но так было до тех пор, пока он не увлекся темой, предложенной для изучения И. М. Гревсом. Это увлечение, переросшее в любовь, знаменовало собой завершение трансформации его мировосприятия. «У Ивана М[ихайловича] никто не занимается Августином, – продолжал Жорж цитировавшееся выше письмо к Татьяне. – У всех апатия, а больше всего у способных историков. Зависит это, мне кажется, оттого, что сюжет наш более литературно-критический, чем исторический. Но я почему-то люблю Августина, т[о] е[сть] самого Аврелия Августина. Конечно, он во многом дрянь, но и я такая же, и я давно не читал книги с таким захватывающим интересом, как его “Исповедь”. Мне казалось, что я сам переживал бы то же на его месте (это всегда так кажется), а психолог он изумительный. И вот следы этого любовного отношения к Авг[устин]ну, должно быть, сказались в реферате. Я боялся

²⁸ Там же. С. 93.

²⁹ Подробно об этом см.: Антощенко. 2008. С. 160–163.

³⁰ Письма... С. 135–136.

за него; когда перечитывал дома, он мне показался плохим, но успех был больше, чем я мог думать. Ив[ан] Мих[айлович] предложил мне взять работу по Авг[усту]ну, а эту ночь я никак не мог заснуть от нервов. Этого со мной давно не бывало»³¹.

Обретение жизненного смысла в занятиях историей сопровождалось возрождением былой любви Жоржа к Татьяне, что позволяет еще раз обратиться к анализу их взаимоотношений Г. П. Федотовым, чтобы лучше понять условия выработки им принципов познания прошлого, обобщенных в студенческом эссе, публикуемом ниже. Любовь Жоржа к Татьяне прошла достаточно типичные этапы: от первой романтической влюбленности с характерным для нее «тайным обожанием» предмета любви через стремление слиться, раствориться в возлюбленной к осознанию невозможности этого. Осмысление сложившегося положения, обостренное отсутствием взаимности в любви, толкало его к видению возлюбленной как «Другой», а это, в свою очередь, вело к более глубокому пониманию его собственного «Я» и изменению мировосприятия. В своих наблюдениях Жорж очень скоро пришел к удивившему его выводу о противоречивости характера Татьяны, но любовь вела его к приятию ее такой, какая она есть, во всей ее непоследовательности и со всеми ее недостатками³². Вглядываясь в душу Татьяны как в зеркало³³, Жорж открыл противоборство «язычника и аскета» в своей собственной душе³⁴. Да и сама их любовь представлялась ему стремлением к единству антиподов³⁵. Влияние любви к Татьяне заключалось в осознании антиномичности явлений жизни, а средством, ведущим к утверждению их единства и принятию мира таким, каков он есть, становилась в конечном итоге Божественная любовь. «Любовь это одно бесконечное “Да” жизни, восторг ее, приятие ее без выбора, без разделения, – утверждал Федотов в другом эссе, написанном, очевидно, специально для Татья-

³¹ Там же. С. 136–137.

³² Приложение. Л. 9, 16. Пожалуй, наиболее эмоционально ярким открытием Жоржа стало признание возможности для Татьяны творить зло, что потребовало от него эстетически оправдать это: «Ведь зло прекрасно. О, оно могущественнее в тысячу раз всех смазливых, невинных, ангельских лиц» (там же, л. 46 об.).

³³ Правда, Г. П. Федотов использовал иную метафору: «Жизнь с ее добром и злом, вся показалась ему переливами этой единой красоты. Он наслаждался ей всегда, она облагораживала его. Это ли не счастье? Прекраснее всего была Таня, в Тане ее душа. Изучать эту душу, смотреться в нее, точно в далекое *ненасытно-прекрасное море* (курсив мой. – А. А.) – стало для него жизнью» (Приложение. Л. 5).

³⁴ Ср.: Письма... С. 37.

³⁵ Слова «мы с тобой полная противоположность» в разных вариациях звучали рефреном во всех письмах, в которых обсуждалась их любовь.

ны. – Все люблю, все благословляю. Благословляю небо и землю, Бога и дьявола, бурю и ясность, брата-зверя и нежного ангела»³⁶. Синтез постижения жизненных противоречий, как и понимания и принятия противоречивости натуры Татьяны, Жоржу давала поэзия³⁷.

Поскольку в жизненных коллизиях Тани Жорж заметил в первую очередь страдание, постольку этой же эмоцией окрасилось его чувство к ней, став, по его собственному определению, «состраданием». Его сострадание служило средством для понимания не только ее духовного мира (идей), но и ее душевного мира (чувств), который не всегда выражался словами, а иногда даже противоречил им. «Когда Жорж заметил это, – оценивал ситуацию Жорж в своем пространном письме-исповеди из Берлина, – он стал верить больше своему чувству, чем словам ее. А так как он любил ее, то стал проницательным и часто угадывал то, что не мог услышать от нее. Так обучила Таня психологии этого наивного, неопытного мальчика»³⁸. В итоге универсально-рациональное в человеке, выражаемое в слове, в чем обычно видят сущность «человеческого», теряло последнее свое качество и становилось для него препятствием для понимания человеческой души³⁹.

Но понимание и принятие противоречивости характера Татьяны (как и отсутствия единства в их духовных взаимоотношениях, так и антинормичности мира в целом) вело с необходимостью к осознанию относительности этических ценностей и обоснованных ими нравственных норм, что, в конечном счете, оборачивалось отрицанием их императивного характера. «Жорж видел Таню сотканной из противоречий. Но из всех них одно делало ее такой обаятельной в его глазах. Иногда в ней, мечтательной или спокойной, вспыхивали огоньки, – он видел их. Точно внезапный порыв охватывал ее и мчал на своих крыльях, а она, зажмурив глаза, от-

³⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 745. К. 4. Ед. хр. 33. Л. 37. Начав с парафраза Б. Спинозы «Deus sive Natura», он дополнил его «Deus sive Natura sive Amor», завершив собственным: «Deus sive Amor». См.: Там же. Л. 34–40 об.

³⁷ Ср. рефлексию Г. П. Федотова после описания непоследовательности и противоречивости характера Татьяны: «У поэта нашел он синтез». (Приложение. Л. 8 об.).

³⁸ Приложение. Л. 9. Ср.: Письма... С. 66.

³⁹ Ср.: Письма... С. 67. Позже, уже в эмиграции, он выразил эту мысль совершенно определенно: «По-видимому, эмоции, или чувства, или сердце составляют самый корень человеческой душевности. Разум слишком объективен и связан с миром идеальным. Воля находится в тесном отношении к телу, как моторно-мышкульной системе, и через нее к миру энергии физического мира. Эмоциональное – самое душевное в нем, и потому самое человеческое» (опечатка в цитате исправлена мной. – А. А.). – См.: Федотов. 1998. С. 256.

давалась ему и готова была мчаться, куда? – хоть в бездну. Жуткое и манящее чувство захватывало дух. Все узнать, осмелиться, сгореть... Не в этом ли весь смысл жизни? А все ее ценности – призраки, к[отор]ые люди создали себе и не могут избавиться от них как от привидений»⁴⁰.

Отказ от признания абсолютного характера норм морали в жизни (в онтологии) был неразрывно связан с признанием имморализма в качестве значимого принципа познания (в гносеологии). «У Жоржа было только одно хорошее свойство, – признавался он Татьяне, – только одно; и это одно было единств[енным] свойством его души, источником всего доброго и злого – восприимчивость. <...> Зло влияло на него так же как и добро. Поэтому единственная черта его души – была по существу своему – имморальна. Он одинаково легко мог быть и безупречно нравственным, и низким негодяем. <...> Понятно, что он должен уметь разделять чужое горе. Это не доброта, – совсем нет. Он переживал только те же страдания, что и другой, а они мучили его, как свои собственные»⁴¹. Так, понимание, основанное на эмпатии, стало способом познания любимой, на основе которого оформлялся оригинальный метод исторического исследования Г. П. Федотова, объединяющий при четком осознании различий принципы логики, этики и эстетики. Впервые обоснование собственного видения специфики исторического познания начинающий историк изложил в студенческом эссе. Чтобы лучше уяснить его направленность и понять значение помещенного в начале эпитафия, следует в заключение привести из писем Жоржа к Татьяне две оценки им своего учителя – И. М. Гревса. 14 октября 1908 г. он писал: «О Гревсе должен тебе признаться, что он меня очень увлекает. Я несколько иным рисовал его себе с твоих слов. С одной стороны, боясь некоторой идеализации в твоём портрете, я делал слишком большую отрицательную поправку. И потому я боялся встретить в нём смесь ученого олимпийства с преувеличенной (“дамской”) восторженностью, т[о] е[сть] боялся пафоса. Я приятно разочарован. В нём – по крайней мере внешне – много мягкости и скромности. Он знает чувство меры – античное благородство, что не мешает ему бросать искры мысли, будить активность, словом, как учитель, он идеален. Он может быть и не вполне искренним человеком, но на кафедре он удивителен»⁴². Немного позже он несколько скорректировал оценку, но не изменил отношения к учителю. «Мне казалось все, что Ив[ан] Мих[айлович] – дамский профессор, – писал он Татьяне в начале декабря 1908 г. – Теперь я в этом убедился вполне, но

⁴⁰ Приложение. Л. 23.

⁴¹ Приложение. Л. 6 об.–7.

⁴² Письма... С. 119.

мне он по-прежнему нравится. Сначала я с удивлением убедился, что в универ[ситет]е нет ни одного человека, к[отор]ый бы высоко ставил его научный авторитет. В особенности резко выражалась о нем та группа, с к[отор]ой он ведет занятия на дому – из истории городов. Вот одно мнение: Ив[ан] Мих[айлович] прекрасный человек, – но ученый... Сначала я удивлялся, потом понял. Гревсу совершенно чужда острота и энергия в постановке вопроса. Он меньше всего – аналитический ум, несмотря на его любимое *Quaero*⁴³. *Quaero* – это лишь фраза. Он не ищет, но мастерски рисует и строит. В нем живет историк-художник, к[отор]ый был мне тем более приятен после моих немецких аналитиков. Но, конечно, надолго он уже не удовлетворяет. Самое ценное в нем – это его религиозное отношение к науке. Но ведь, в этих словах есть и внутреннее противоречие»⁴⁴. Попыткой преодолеть это противоречие, а также ограниченность эстетического подхода к истории и тем самым превзойти учителя стало, как представляется, публикуемое ниже эссе. Оригинал его хранится в рукописном отделе РГБ (ф. 745, к. 4, ед. хр. 33, л. 1–12 об.). Текст приведен в соответствии с современными нормами орфографии при сохранении авторской пунктуации.

[1910]⁴⁵

Есть общие места, хотя от этого [они]⁴⁶ не перестали быть справедливыми: напр[имер], историк должен быть объективным. Обычно это трактуют так. Историк должен исследовать, а не оценивать. Люди и явления, которые он изучает, должны быть теми же для него, чем материя является для натуралиста: местом приложения логической энергии, не больше – словом – объектом.

Но не правы ли отчасти и субъективисты, утверждая, что такое бесстрастие не мыслимо по отношению к ценностям культуры, с которой историк сам связан неразрывными нитями? Не приведет ли псевдообъективизм к самообману и искажению действительных отношений? На самом деле мы видим, что объективизм историка сказывается ярче всего в предисловии. В развитие своей темы ученый обыкновенно понимает объективизм своеобразно. Он считает признаком самого дурного тона порицать или негодовать на своего героя или на продукты изучаемой им культуры. Сам он ставит своей задачей – вероятно, чтобы достигнуть лучшего понимания – все оправдать, все реабилитировать. Его принцип: все по-

⁴³ Я ищу (*лат.*).

⁴⁴ Письма... С. 127.

⁴⁵ Вписано карандашом.

⁴⁶ Добавлено по смыслу.

нять – значит все простить. Но, руководясь этими прекрасными правилами, он скоро убеждается, что невозможно «все простить»; что в том *plaidoyer*⁴⁷, которое он держит для своего клиента, спасение его чести может быть куплено только ценой осуждения противной стороны – т[о] е[сть] всех личностей или идейных течений или социальных форм, с которыми его герой вступил в более или менее острое столкновение. Спасти одного – значит, топить других. Августин⁴⁸ – высокая натура, а манихей дрянь. То же самое выходит и наоборот: манихейство⁴⁹ – возвышенная система, а Авг[усти]н ренегат и подлец. Смотря по специальности господина профессора, самое комическое в том, что сам оценщик не сознает, на каких весах он взвешивает, не сознает даже, что он взвешивает. Он убежден, что не выходит из пределов чистого описания. Его совесть спокойна, но можно ли на этом пути прийти к общеобязательным выводам? Мы видим, несмотря на маску объек[тиви]зма, субъек[тивн]изм царствует в науке – социальной науке – и тем самым разрушает ее научные основания. Нет спора, субъек[тивн]изм должен быть сам разрушен.

Но как?

Быть может, все-таки в дисциплине воли, в воспитании к бесстрастию? Следовало бы прибавить: к бессмыслию. Субъект, совершенно лишенный способности эмоции или скажем эмоции высшего порядка [...] ⁵⁰ – лишенный к тому же всякого интереса к идеям, то есть вполне незаинтересованный в оправдании какой-либо системы их, был бы вполне пригоден для историко-научной деятельности. Жаль только, что он был вполне непригоден к научной деятельности, да и вообще ко вся-

⁴⁷ Судебная, защитительная речь; защита (*фр.*).

⁴⁸ Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354–430) – христианский теолог и философ. Изучением его творчества Г. П. Федотов занимался под руководством И. М. Гревса, результатом чего стало конкурсное сочинение «"Исповедь" бл. Августина как источник для его биографии и для истории культуры», отмеченное по отзыву руководителя золотой медалью. Г. П. Федотов опубликовал также статью «Письма бл. Августина (Classis prima)» в сборнике «К 25-летию учебно-педагогической деятельности И. М. Гревса» (СПб., 1911).

⁴⁹ Манихейство – религиозно-философское учение, основанное в III в. персом Сураиком из Ктезифона (216–273 или 276), прозванным Мани (Манес), то есть дух. В основе учения – дуализм, первоначальная и неуничтожимая противоположность между добром и злом. В конце IV в. манихейство наряду с христианством, являлось основной религией эпохи поздней античности, хотя в поздней Римской империи и Византии подвергалось ожесточенным гонениям со стороны государства и ортодоксального христианства. По свидетельству вдовы Г. П. Федотова, явно основанному на его самооценке, на пути возвращения историка к христианству «первым шагом было ярко выраженное манихейство» (см.: *Федотова*. 1967. С. VIII).

⁵⁰ Слово не разобрано.

кой деятельности в культурном обществе. Это духовное уродство, действительно, воспитывается в лабораториях исторических институтов; на этом пути специалисты ушли далеко, не до полной анестезии, правда, но, во всяком случае, до кастрации, выработали другой класс профессионалов, отличающихся от наших замаскированных субъективистов.

Этот класс с успехом составляет каталоги и энциклопедии. Но в выводах своей работы он всецело связан с данными субъективистов. Бесплодный, как все кастраты, он подбирает противоречивое, спутанное их наследство и просеивает его сквозь критическое сито. Его принцип: «Истина это то, с чем все согласны». Эти «все» – субъективисты. И после тщательной проверки в словаре получается строго объективная заметка: «Карл В[еликий] короновался в 766 г., и умер в 811 г.». Наука идет вперед «bis an die Sterne weit»⁵¹, и только скептики могут позволить себе сомневаться в самом существовании науки. Но, ведь, скептицизм неопровержим. В этом его философская привилегия.

Однако будем серьезны. Представим еще раз логическое положение дела. В области духовной культуры – а я только о ней и говорю – наука касается ценностей, которые не могут быть индифферентны для ее носителей. Чтобы понять их, нужно прежде всего понять, как ценности, то есть произвести оценку. Невозможно понять значение композитора, не обладая ни слухом, ни музыкальным развитием. Все объективное – в смысле естественной объективности, – что связано с этим миром ценностей, есть внешнее, постороннее для них. Часто это может быть их симптом, но не более. Филологи изучили только законы античного стихосложения, но лишь поэты открыли нам красоту древних.

Задача историка, правда, не в том, чтобы понять красоту, но объяснить ее – также, как объяснить уродство, как объяснить все. Но для этого он должен войти в круг господствующих здесь законов, уметь выделить главное от второстепенного, уловить связь, в которую – с необходимостью – вступают между собой отдельные образования в мире ценностей. Словом, он должен понять его структуру, прежде чем выяснить его генезис. Прежде всего он должен быть зрячим, а не закрывать глаза во имя «объективности». Иначе он будет лишен самого дорогого материала своего исследования. Поскольку субъективисты правы, то они должны возвыситься над односторонностью своих оценок. Это легко сказать. Но самая сущность оценки – в ее односторонности, исключительно. Понять и простить все – не значит ли это ничего не понять? *Qui prouve trop, ne prouve rien*⁵².

⁵¹ До самых звезд (*нем.*).

⁵² Кто доказывает слишком много, не доказывает ничего (*фр.*).

Мы знаем один выход, к[отор]ый указала здесь не теория, а жизнь нашего времени. Современная культура создала тип людей, утонченно-богатых культурными переживания[ми], открытых ко всякой красоте и даже ко всякой истине (то есть полуистине), просвещенных и жадно ищущих в пыли истории еще не изведанных наслаждений. У них нет веры, нет догмата. В исключительности их нельзя упрекнуть. Они радуются всякому осколку открытых сокровищ. Они легко меняют меру своих оценок, во всем умеют отыскать отблески ценностей. Они соединяют изощренность и нетребовательность с эстетическим оптимизмом. Франция дала нам целую школу блестящих историков-эпикурейцев. Упомяну хоть о Renaut⁵³, о Буасье⁵⁴... Стоя у колыбели мировых противоречий, вглядываясь в жестокую борьбу, к[отор]ая окрасила величием и кровью бледную смерть античного мира, они наслаждаются, эти утонченные зрители. Они на ступенях амфитеатра, где умирают гладиаторы, отягченные туманом тысячелетий. – В этой лирической мягкости красок, борьба теней является невыразимо привлекательной. Запах крови, запах навоза, грубые крики площадной толпы – не долетают сквозь магическую даль. Все является преображенным и прекрасным. И жест императора с зеленым изумрудом, и обнаженная женщина, поднявшая руки навстречу смерти. О, они не пристрастны, эти гастрономы. Они умеют одинаково любоваться палачом и жертвой. И когда они от своих художественных прозрений возвращаются к старым пергаментам, они приносят с собой ясную мудрость, способность все понять и вместе с нею запах легкого скептицизма. Они ничему не поверят на слово, не дадут одурачить себя словами фанатика. Они смягчают и примиряют все. Они великие ретушеры, великие мастера стирать краски. Мы уже чувствуем, в чем недостаток их объективизма. Во-первых, в слишком эстетической его окраске. Действительно, примирение непримиримых ценностей лучше всего удастся на почве эстетики. Живое религиозное сознание не строит пантеонов, здоровое нравственное чувство не может с одинаковой любовностью дышать ароматом аскетизма и распутства.

⁵³ Возможно, речь шла об историке Жане Мишеле Рено (1800–1892).

⁵⁴ Буасье (Boissier) Гастон (1823–1908) – французский историк античности, член французской академии (1876). В 1861–1906 гг. профессор Коллеж де Франс, в 1865–1899 гг. – Высшей нормальной школы, автор фундаментальных работ по истории римского общества, языческой религии, христианству. Первопричиной исторических событий он считал судьбу, провидение, намерение божества, познать которые невозможно. Буасье обосновывал тезис о неизбежной и благотельной для человечества победе христианства, с его точки зрения законного преемника и лучшего хранителя античной цивилизации. В исторической концепции Буасье сильные элементы модернизации истории.

Итак, они эстеты и, рассматривая историю, как произведение искусства, они лишают ее значения реальности, они отнимают у нее серьезность и глубину ее процессов: точно все в ней происходит не взаправду, а на подмостках театра. Мало того, в эстетике они не могут быть реалистами, потому что видят все сквозь смягчающую, туманную среду. В этом, ведь, и состоит их условие примирения диссонансов. Если бы туман разошелся, они стали бы лицом к лицу с человеком, мучимым подлинным голодом, и подлинной страстью, и исключительностью его веры и его ненависти. Гармония исчезла бы, поэты должны были бы закрыть свои глаза от беспокойных, кричащих цветов или броситься в толпу, смешаться с нею, осудить себя на *parti pris*⁵⁵.

Мы видим: примирение покупается здесь ценою ирреальности и поверности. Понимание жизни оказывается декоративным и неглубоким.

Не будем пока сходить с поля эстетики, но спросим себя: неужели гармония покупается всегда лишь ценой затушевки и бледности? Конечно, нет. Гармония может быть построена из самых глубоких контрастов. Это показывает настоящее трагическое искусство. Великий художник не боится заглядывать в омут. Он безжалостно режет до костей человека, вскрывает все противоречия, живущие в его груди, чтобы привести их к последнему единству. Чем больше разнородных элементов участвует в синтезе, и чем непримиримее кажутся они, тем богаче, выше потрясающая и освобождающая мощь их синтеза. Почему этот путь должен быть закрыт для историка? Не как научный путь, а как необходимое, предварительное условие для его науки, как средство войти в мир ценностей культуры, ничего не отвергнув и нечего не испортив в нем? В самом деле, почему?

Конечно, легко ответить, что этот путь требует художественной гениальности, и смертные, которые ею обладают, не станут тратить своих сил в чуждой им научной области. Они призваны не изучать ценности, а создавать их. Но это все-таки лишь внешняя причина. Внутренняя, глубокая заключается в отличии научного и эстетичес[кого] постулатов. Художник может творить свободно. Ученый должен творить истину. Истина – вне его, она навязывается ему со всей силой принудительной необходимости. А где же истина говорит то, что противоречия сливаются в мировой культуре, что их можно взвесить на одних весах ценностей. Я отрицаю это. Я нахожу, что мировая гармония напоминает шарманку доктора Пуллуса. Разве вы можете мне доказать противное? А доказать это так легко: покажите мне историка, к[отор]ый с остротой

⁵⁵ Соучастие (*фр.*).

и безжалостностью анализа связал бы проникновенное понимание ценностей, ведущее к их синтезу. Его нет.

Но – и здесь я подхожу к самому главному – кто вам сказал, что историк должен искать гармонию, синтеза ценностей? Это необходимо для художника, к[отор]ый сам создает ценности. Историк должен только открыть, понять их. И если они не укладываются в стройное целое, разве он виноват в этом. Виноват тот, кто завел шарманку, кто создал мир. Вопрос лишь в том, возможно ли остро и глубоко ощущать взаимно исключаютые ценности? И я утверждаю, что это возможно. Нужно только вдуматься в то, что это означает. Это означает прежде всего повышенную восприимчивость к ценностям, и в тоже время беспомощность перед ними; ослабление личности, ее формующей, пластической энергии, сознание – есть чистое поле, где волки пожирают друг друга. Здесь нет хозяина, здесь хаос и уродство стихий, из них может быть создан мир культуры. Если обратите внимание на то, что это поле борьбы элементов есть человеческая личность, нельзя не представить себе, что эта борьба для нас мучительна. Биологически она означает – болезнь. Система ценностей служит для ориентировки в жизненной борьбе. Где нет системы, там неспособность к жизни, безволие и растерянность. В нравственном мире эта растерянность означает собою имморализм. Не ту нравственную тупость, к[отор]ая отлично уживается с душевным здоровьем, но равную восприимчивость к добру и злу, смесь возвышенности и порочности, где влечения – в диком злорадстве – сменяют друг друга. Быть может, этот тип людей не так редок, как думают: но изучать его приходится более в тюрьмах и сумасшедших домах, чем на высотах культурной жизни. А между тем, если история культуры должна стать когда-нибудь наукой, она не может обойтись без помощи сумасшедших и преступников.

Я говорю, конечно, о преступности «потенциальной». Если представить себе этот склад эмоциональной личности в оправе довольно крепкой логической способности, у нас все данные для хар[актеристи]ки культурного историка. Он все поймет, хотя ничего не простит. Его принцип «Odi et amo»⁵⁶...

Он сумеет вскрыть глубоко каждое образование культуры там, где оно превращается в свою противоположность. Зло в добре и добро во зло бросаются ему в глаза без всякого напряжения воли, с каким морально здоровые люди оплатят даже слабые попытки к беспристрастию. Его

⁵⁶ «Ненавижу и люблю» (лат.) – одно из стихотворений римского поэта Гая Валерия Катулла (ок. 84 – ок. 54 до н.э.), в котором выразилось его отношение к его неверной возлюбленной – Лесбии (Клюдии).

беспристрастие будет одинаково далеко и от оптимистической фальши ретушеров и от тупой нечувствительности объективистов. И он найдет достаточно резкие краски, чтобы его образы не утратили значения реальности; острота его восприятия спасет его от схематизма, к[оторы]й любит обращать в шутку серьезные вещи. И, наконец, если его голова работает правильно, он не остановится на этом хаосе, но сделает его научным объектом в истинном смысле слова. Не примирит его, как художник, а изучит его, изучит его связность и общность, его повторяемость и индивидуальность, вот что поставит он своей задачей. В этой страсти и холодной красоте логической мысли, он найдет, б[ыть] м[ожет], примиряющее начало своей разнuzданной, смятенной души, и произведенные ею труды дадут читателю не только чувство дионисийской оргии жизни, но и ее аполлонического преодоления в научном сознании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Антощенко А. В.* Студенческие годы Г. П. Федотова (по новым документам) // Всеобщая история и история культуры. СПб., 2008.
- Гиренок Ф. И.* Судьба русской интеллигенции (Читая Федотова) // Г. П. Федотов о судьбе русской интеллигенции (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). М., 1991.
- Гусакова З. Е.* Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89.
- Катков С., Лукин С.* Возвращение: К биографии Георгия Федотова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992. С. 35–39.
- Киреева Р. А.* Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России: XVIII – начало XX века. М., 1996.
- Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974.
- Письма Г. П. Федотова к Т. Ю. Дмитриевой // *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в двенадцати томах. М., 2008. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы.
- Федотов Г. П.* Эссе homo (о некоторых гонимых «измах») // *Федотов Г. П.* Собр. соч. Т. 2. М., 1998.
- Федотова Е. Н.* Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // *Федотов Г. П.* Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Paris, 1967.
- White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore & London, 1985.

Антощенко Александр Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Петрозаводского государственного университета; ant@psu.karelia.ru